

СТРАДА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Самые тяжелые, самые трудные вопросы — это вопросы самому себе, ибо на них нельзя отвечать уклончиво, нечетко. Лучше уж совсем не задавать таких вопросов. Поэтому о степени мужественности человека можно судить по его вопросам самому себе.

«Отец часто и подолгу сидел на лавочке под окном и вспоминал пережитое. Как-то он сказал: «Что моя жизнь? Для себя, может, что-то и представлял, потому как своя, а для других ничего такого она не содержит».

Приходит время и мне вспомнить, и я думаю: «А моя — содержательная? И прихожу к выводу: особенная — нет, но содержит. Особенная — в поведении. Мы не похожи на отца: не пахари. Мы только дети пахари. Первые — оторвавшиеся от плуга, но не порвавшие с землей — деревенские интеллигенты. Мы служили пахарям, учились и учили, звали и вели, будучи сами привязаны пуповиной к порогу отчего дома. В нас было что-то, если хотите, переломное. Когда у пахаря не уродился хлеб, он не ищет виноватых, он винит только себя, он продолжает работать — и это сулит ему урожайную осень. Моя поколение — и я вместе с ним — сеяло свой посев ровно полезна. Для истории срок небольшой, для отдельного человека — целая жизнь, и на ее исходе естественно задаваться вопросами: удалась ли твоя жизнь? Обильна ли она? Сколько необходимо народу было, так сказать, твое присутствие на земле».

И еще: «...Та ли жизнь — твоя, которую прожил?»

Вот что волнует главного героя повести «Крестьянский сын» — учителя и журналиста Николая Васильевича Иванова. Произведение это носит явно автобиографический характер, поэтому и вопросы героя вполне можно переадресовать автору. И Иван Афанасьевич Васильев отвечает на эти и многие другие трудные вопросы, отвечает всем своим творчеством, отвечает подробно, обстоятельно, совестливо. Да, именно так, «Грандиозные деяния нашего поколения, — пишет он, — не могут, не должны порождать в нас самодовольства. При самой большой победе надо держать в душе место для вины незанятым, тогда победа не обернется поражением».

Если попытаться определить ключевые слова и понятия для И. Васильева, то на первом месте, если судить по публикациям последних лет, окажутся «совесть» и «память». По мнению писателя, между двумя этими понятиями теснейшая связь. Человек и совесть — барометры человеческого в человеке. Человек, лишенный памяти или совести, — неполноценный человек, он не может быть гражданином своей страны. И все творчество И. Васильева, лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького, в значительной степени обращено к совести и памяти читателей.

Иван Васильев обладает удивительным свойством говорить о вещах трудных и деликатных и при этом никогда не форсирует свой голос. Он уверен: читатель не убедится красивой патетикой, громкими лозунгами и призывами, то есть тем, что некоторые литераторы и считают публицистикой, потому и пыжуются, а читатели равнодушно откладывают их писания. Истин-

ная публицистика — это мудрость, это мысль, это приглашение к диалогу, за которым должны последовать убежденные действия человека.

Наша деревенская публицистика богата талантами, и здесь не так-то просто заставить читателей обратить на себя внимание. И. Васильев сумел это сделать. Его почерк не спутаешь ни с чьим другим. Что же в нем особенного?

В одном из своих давних очерков Иван Афанасьевич писал: «Неисчислимо множество собраний зафиксировано в моих журналистских блокнотах. Но тщетно искать в них разговора о том, «как жить». Только — «как работать». Думают: так скорее добиться цели. Заблуждение! Написано это давно, а как актуально! Вот с этих-то строк и открылся для меня новый писатель, ибо он последовательно и настойчиво занимается взаимовлиянием нравственности и экономики».

В отличие от многих публицистов-«деревенщиков» Иван Васильев не ищет некое универсальное средство, которое сумело бы чудодейственным образом изменить положение дел в сельском хозяйстве. Не увлекается он и сугубо техническими или экономическими рецептами, ибо полагает (правда, здесь необходимо учитывать и полемический загал), что в настоящее время «психология становится главнее технологии». И в этом проявляется корневая связь с овечкинской традицией советского очерка. Напомним: в «Трудной весне» В. Овечкин пришел к фундаментальному выводу о том, что когда ничего плохого не случится с колхозом, если у колхозников будет высоко развито чувство коллективного беспокойства за свое добро, чувство хозяев своей жизни. Однако со временем получилось так, что рядовые труженики все меньше участвовали в решении коренных проблем своих хозяйств, многое за них решалось в районных и областных инстанциях. Управление сельским хозяйством все более бюрократизировалось, и это неизбежно сказалось на итогах работы. Принципиальную оценку такого рода управления дал майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС. Поэтому так важно, считает публицист, поднимать личную заинтересованность каждого человека в общей работе, раскрывать все возможности для проявления инициативы и самостоятельности.

Размышляя над проблемами жизни, И. Васильев не забывает и свой литературный «цех».

«Наш брат писатель-«деревенщик» что-то поспешен стал в поиске причин и выдаче решений. То вдруг объявил противником технического прогресса деревенский уклад жизни, то объяснил уход молодежи из деревни отсутствием условий для развития способностей личности, то посоветуем, как рени в иные моря, перелоботать кадры из одного региона в другой». И продолжает далее: «Мне кажется, беда нашей «деревенской» публицистики в поверхностности изучения жизненных явлений и прямолинейности предлагаемых решений. Потаняв нетерпеливому читателю, жаждущему от писателя ответа, что же делать, мы торопимся, схватываем лежачие на поверхности факты и, не шибко владея диалектическим методом исследо-

вания, выдаем скороспелки... Между тем жизнь все усложняется и «прямых» решений становится все меньше. Пожалуй их уж и не осталось».

И хотя И. Васильев пишет здесь обобщенно, как бы и себе адресуя эти претензии, тем не менее как раз именно его-то труднее всего упрекнуть в поверхностности, в выдаче скороспелых решений. Публицист на практике убедился: любое решение — это своего рода схема с характерным свойством: придавать частному вопросу решающее значение. Схема (даже самая лучшая) отрицает самостоятельность и, вроде бы преследуя единственную и святую цель — благо народа, запретительными или ограничительными мерами и их следствиями создает неудобства и затруднения. Схема-предписание морально калечит людей, приучая их к некритическому отношению к команде, к руководящему указанию. Отсюда — смирение перед обстоятельствами, нежелание «портить отношения». Принципиальность уступает место приятельству. И появляется неуверенность, робость. Публицист ставит точный диагноз подобной робости, она чиновничьего происхождения, исток ее материален — личное благополучие, независимое от результатов производства.

Говорит с читателями напрямую, без обиняков, называть вещи своими именами — такова характерная черта публицистики Ивана Васильева. Непросто сказать в адрес тех, с кем не раз встречался, с кем живешь, такие горькие слова: поразительное обилие нынешнего деревенского жителя («В одном совхозе молодым семьям бесплатно предлагали коров — никто не взял. В других местах предлагают коня — хоть одного на деревню — не соглашаются ухаживать. Всем нужен конь, но никто не хочет поить-кормить, даже за плату»). Задаваясь вопросом — почему, писатель приходит к выводу: научились обходиться малым, чтобы и нужды особой не испытывать, и хлопот особых на себя не брать. И прав автор, восклицая: «Так это же пенсия и пенсионный образ жизни!» И. Васильев постоянно ратует за повышение тонуса жизни.

Да, Иван Васильев отличается тем, что умеет думать неожиданно, ярко, смело. И при этом никогда не теряет почву под ногами. Поэтому не случайно, видимо, партком московских областных организаций и учреждений приглашал литератора из глубинки (а писатель живет постоянно в Борках Великолукского района Псковской области), чтобы посоветоваться, как дальше развиваться современной деревне. Даже один этот факт говорит о многом, ибо чего греха таить: есть еще у нас немало литераторов, постоянно пишущих о селе, но отношение тех, о ком они пишут, выражается предельно лаконично: как в кино, то есть некий суррогат, который весьма далек от жизни.

И. Васильев считается публицистом-аграрником. Но это не так. Да, пишет он в основном о деревне, о сельском труженике. Но это, так сказать, материал. Творчество же его обращено ко всем людям, оно носит широ-

кий воспитательный, но отнюдь не назидательный характер. В его очерках рассыпано столько верных наблюдений, что каждое в отдельности могло бы быть темой специального материала. Вот только некоторые из большой работы «Земля русская (В памяти живут люди)», этой своеобразной лирической исповеди, вобравшей в себя раздумья о нашем времени.

«В войну мы рано выросли, в семнадцать лет становились солдатами, а все равно тосковали, хотя ни за что не признались бы в этом, по отцовской руке, по отцовскому слову. Опыта, мудрого опыта старших — вот чего не доставало нам, хотя, кажется, успели увидеть и понять много, даже чересчур много».

Это я признаю теперь, с высоты прожитых лет, и думаю, что истинно повезло тому из нас, кто рос и креп рядом с отцом, своим ли, чужим — неважно. Я не понимаю сегодня сына, который спешит поскорее отделаться от отца. Впрочем, суть не в отдалении, а в отдалении... Убежден: для вызревания чувства, как для вызревания колоса из зерна, время определено природой. Нельзя научиться чувствовать ускоренно, чувство тогда глубоко и полно, когда вберет, впитает опыт другого, когда созреет не в отдалении, а рядом».

А вот писатель размышляет над таким уродливым явлением, как мелкое воровство на производстве, о так называемых «несунах».

«Берут не в одиночку, поэтому не таятся. Тайком — непорочно, похожие на воровство, в открытую — что-то вроде делишки. Брать на глазах — это ведь от уверенности, что товарищ не остановит. Остановить может «служебное лицо», но не товарищ. Возникает поруча, атмосфера терпимости — и рождается привычка. Привычка формирует характер. Понемножку но постоянно — и уже зуд в руках: не несу — словно бы не хватает чего, не взял — будто бы недоделал».

Или вот еще очень важная тема:

«Социологи бьют тревогу: число разводов чрезвычайно велико, молодые отцы, оставшиеся семьями, новыми не желают обзаводиться, предпочитают бо́льшество семейным узам. Стремление освободить себя от обязанностей отца и главы семьи — это исток асоциальной безответственности. Нельзя думать, что мужчина, отказавшийся от воспитания своего ребенка, может быть хозяйном на производстве, сознательным общественником, или, как теперь говорят, социально активной личностью. Нет, он становится потребителем и эгоистом высшей марки. А его сын, вырастая без отца, какие уроки отцовства может усвоить он?»

В работах последних лет И. Васильев постоянно обращается к подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны, рассказывает о неизвестных героях, славит женщин, их вклад в общую победу.

Главный герой повести «Крестьянский сын», вернувшийся после фронта в школу, начинает свой первый урок истории с рассказа о победе над фашизмом:

«Сейчас нам еще не обьять умом все величие подвига своего народа. Нам заслоняет его свое горе, личные утраты, тяжкие заботы. Но пройдут годы, и каждый из вас, возвысившись мыслью над буднями, постигнет грандиозность свершенного... Память, хранящая прошлое, возвышает душу над мелочами жизни. Память отделяет в сегодняшнем важное от неважного, значительное от мелочного, деяния от суеты. А человек ведь так устроен. А человек ведь так устроен, что ему кажется важным и большим только то, что он делает сию минуту. День за днем станете думать о себе, о своем достатке, своем благополучии и не заметите, как потускнеет память. Она перестанет вас тревожить, напоминать, что все ваше сегодняшнее стоит на прошлом ваших отцов. Душа оглохнет, станет неспособной понять чужую боль. Бойтесь этого! Храните в памяти то, что видели, что переживали».

Это прямое обращение писателя к читателям, к каждому из нас, ибо он уверен: чтобы человек достиг нравственных высот человеческого совершенства, он должен быть сопричастным общей судьбе, должен постоянно слушать свою совесть, участвовать в страде человеческой, созидая себя и других.

Александр ЕГОРУНИН